Автор: admin
09.08.2011 13:08 -

Кто из поэтов «заблудился в дремучей судьбе»?

Сегодняшний выпуск Антологии отечественной поэзии посвящен поэту, который полтора года назад отметил свое 70-летие. Он был «открыт» в 60-е годы Борисом Слуцким, Давидом Самойловым, Михаилом Львовым, Михаилом Лукониным, но, несмотря на это, выпустил свой первый поэтический сборник в 1971 году. Это Вадим Ковда – поэт, которого судьба отнюдь не баловала пряниками...

Ну, скажите, кем бы вы стали, если бы ваш отец оставил бы после себя такие две емкие строчки: один из крупнейших почвоведов страны, лауреат Сталинской и Государственной премий, создатель факультета почвоведения МГУ. Это про Вадима Ковду могли петь: «Для вас открыты в жизни все пути».

Он выбрал мехмат МГУ, куда поступил 17-летним и выпустился через пять лет. Но его не очень-то привлекала высшая цифирь, хотя он сразу после окончания университета работал в Институте прикладной математики Академии наук СССР. Ему хотелось лирики, точного понимания сути жизни. Пусть даже через глазок кинокамеры. Вот почему уже через четыре года он поступает на заочное отделение кинооператорского факультета ВГИКа, где честно, от звонка до звонка, учится шесть лет.

Вот тогда «Остапа понесло», он начал переосмысливать жизнь в стихотворной категории, порой затрачивая на это самый мизер слов, но затрагивая самые глубинные процессы. Как вам, например, эти четыре строки:

Если только в наше парадное
Входит сразу три инвалида,
Сколько же было ранено?
А убито?!

Возможно, острее чувствовать несправедливость жизни его научила ранняя смерть матери. Вот как он об этом пишет сам: «Моя мама, урожденная Цибулевская Раиса Яковлевна, еврейка из Одессы, познакомилась с отцом в Краснодаре, где училась в медицинском институте. В 1943 году в госпитале, разнимая драку напившихся раненых, получила тяжелейшую травму головы... Умерла в 50 лет».

Ему было тяжело без матери. Да и отец был часто занят своими делами, и ему было явно не до сына. А тот постепенно «врастал» в профессию кинооператора, работая на студии научно-популярных фильмов. И попутно писал стихи, полные размышлений о смысле бытия. В 1972 году его приняли в Союз писателей СССР. Но ему становилось несколько душно в родной стране. Отсюда и строки, подобные этим:

Монолог военнопленного Великой Отечественной

Жить нам уже не под силу.
Смято навек бытие.
Родина нам изменила...
Что ж мы так любим ее?

Что ж так на Родину рвемся!?
Помним тепло и уют...
Мы ведь вернемся, вернемся...
Если вернемся – добьют!

Стреляны, ломаны, биты...
Нам с колен.
Прокляты мы и забыты.
Что ж мы так ждем перемен!?

Пусто, беспомощно, гнило...
Тьма и смятенье в мозгу.
Родина нам изменила.
Я изменить не могу.

В 1991 году умирает отец. Жизнь ему явно сократил развал Советского Союза. Он при СССР был всем, а тут вдруг оказался никому не нужным. И Вадим вместе со своим старшим братом начали искать выход из положения. Проще всего было уехать в Германию, где их ждали. Но Вадим делал свой выбор мучительно:

Интуитивно ясно мне,
что здесь не стоит оставаться.
И все же ясно не вполне,
куда же надо подаваться.

Оковы медленно терял.
Но след оков – так странно дорог...
Я не особо доверял
свободы гулким коридорам.

Но если я вдруг задержусь,
то снова годы тягомотин.
Пустых сомнений глупый груз...
Но я и тороплюсь не очень.

Уйти – морока из морок...
А оставаться – ох, не сахар...
И виснет жизни алый клок
На ржавой проволоке страха.

Возможно, и интуиция присутствовала, и какое-то предвидение. Собирались они очень долго. В результате их разлучила смерть. «Мой родной брат Александр – физик, выпускник МИФИ. В результате перестройки был вынужден подрабатывать ночным сторожем. В 1995 году его на дежурстве избила пьяная шпана, через два часа он скончался…» – напишет позднее Вадим. Теперь и ему самому жизнь не оставила выбор – эмиграция. Он уезжает в Ганновер.

Какая боль сгустилась по России
Какая грязь! Какой великий мор!
Ворьё, враньё, глубинное бессилье,
И сумасбродный пьяный разговор.

Я здесь любил, здесь стал плохим поэтом.
Здесь брат убит… Я это ж получу…
Но чувствую родным похабство это.
Сюда упорно лезу и хочу.

И всё ж пока в Германии удобной
Лечусь и жру и жру, набив живот,
И рвусь к земле, холодной и голодной,
Я – полукровка, жидопатриот.

Течёт слеза. И толку нет от крика.
Вся жизнь моя – разлад и благодать –
Закат и смерть империи великой,
Где довелось мне мыслить и страдать.

Но и Германия не дала ему то, что он ожидал от нее получить. Привыкание и «врастание» растянулось не на один год. Поэтому он иногда приезжал в Москву с тем, чтобы уже через некоторое время опять уехать…

Нет, Deutschland мне рассудком не понять,
аршином общим тоже не измерить.
Она мне не любовница, не мать...
Ей благодарен, но не в силах верить.

Всё помню, всё навязло на зубах:
тотальный орднунг и чуть скрытый страх...
Как Гитлер тут возвысился кровавый?

Как Геббельс похозяйничал плюгавый?
Как совместились Бисмарк здесь и Бах?
Как совместились Рильке, Ницше, Гауф?..
Всё, что читал, что слышал – всё враньё.

Германия и лечит, и калечит.
И образ расплывается её
И плавится в огне противоречий,
И не лежит душа к немецкой речи.

А в сердце по-прежнему жили воспоминания о размеренной, спокойной жизни во времена Советского Союза. Да, большинство людей жило бедненько, порой едва сводя концы с концами. Пенсии были мизерные, зарплаты тоже. Но зато, в отличие от сытой Германии, здесь открывались души, на все створки…

Голосит, орёт баян,
ходит посредь улицы.
Я гуляю, полупьян,
ждёт к обеду курица.

Райку, доченьку мою,
поднимаю на руки.
У неё уди-уди
и цветные шарики.

Пляшет мой сосед хромой.
Мостовая в семечках...
Ах ты, красный Первомай!
Золотое времечко.

И как тут не вспомнить есенинское определение поэта: «Роковая на нем печать»?! А закончить хочется тем, во что Вадим Ковда верил и продолжает верить:

ПОДОРОЖНИК

М. Грозовскому

Друг мой подорожник,
нам с тобой морока:
без людей не можем,
хоть и бьют жестоко.

Друг мой подорожник,
острые метёлки,
топчут и съедают
овцы, козы, тёлки.

Друг мой подорожник,
мы с тобой не вянем.
Нас побьют, потопчут –
только крепче станем.

Автор - **Юрий Москаленко**
Источник